

О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание»

© И. В. Захаренко, 2000

В наших предыдущих работах нами предпринимались попытки систематизировать некоторым образом феномены, называемые прецедентными высказываниями, рассмотреть их с точки зрения лингвокогнитивного и функционального аспектов. [8; 12; 14; 15; 19]. Названные единицы (к ним принадлежат “крылатые слова”, цитаты из разного рода текстов; мы включаем в их состав и пословицы) традиционно относятся к фразеологии в широком понимании, следовательно, может возникнуть мысль об “избыточности” данного понятия. В связи с этим в настоящей статье позволим себе высказать некоторые теоретические положения, касающиеся обоснования термина “прецедентное высказывание”.

Напомним, что в нашем понимании *прецедентное высказывание* (ПВ) – это репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПВ входит в когнитивную базу¹ данного лингво-культурного сообщества и неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка [19].

1. Нам представляется целесообразным для понимания сущности прецедентного высказывания рассмотреть собственно “высказывание” как составляющую исследуемого феномена. Термин “высказывание” имеет разнообразные толкования в лингвистической литературе. Семантическое “наполнение” данного понятия зависит от разных методов анализа и теоретических подходов исследователей. При структурном подходе к высказываниям относят речевые образования, не укладывающиеся в обычную схему предложения (реплики в диалоге и др.). При содержательном подходе включается модально-коммуникативный аспект, проявляющийся, прежде всего в интонации и актуальном членении предложения. При функциональном подходе высказывание определяется как речевая единица, которая может быть равновеликой предложению, но рассматривается в речи, в непосредственном соотношении с

---

¹ Когнитивная база представляет собой структурированную совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке, формируется *инвариантами* существующих и возможных представлений о феноменах, хранящихся в ней в минимизированном, редуцированном виде. [19].

ситуацией. Отметим, что последнее понимание “высказывания”, восходящее к точке зрения В. Матезиуса и его последователей и принципиально отличающееся от понимания высказывания в логике высказываний, где оно рассматривается только с позиции истинности или ложности, наиболее близко нам. Иначе говоря, высказывание представляет собой “функциональную единицу”, анализ которой призван показать, “как она связана с ситуацией, какими средствами и как эта последняя описывается” [6: с.352]. Высказывание – это знак ситуации², и, подобно всякому другому знаку, характеризуется значением — отношением к референту (ситуации), и смыслом — способом представления референта в знаке. Отличительными свойствами высказывания, которые связаны с характером обозначаемого, являются *предикативность* – “комплекс актуализационных категорий (модальность, время, лицо), определяющих высказывание относительно действительности” [5: с. 5], — и *целостность* высказывания как знака³: “высказывание не складывается из слов с их значением, а, скорее, наоборот, слова с их значением получают свое реальное существование только в рамках высказывания” [16: с. 137]. Другими словами, части высказывания не остаются неизменными, но приобретают новые качества, которыми вне целого они обладают лишь потенциально, т. е. высказывание находится на уровне интеграции всех различных уровней, выделяемых в процессе анализа языка, на уровне завершенного семиотического акта [6]. Высказывание связано с пресуппозицией – совокупностью предварительных знаний собеседников о предмете речи – и с модализацией – выражением в высказывании в разной степени оценки ситуации говорящим.

Отметим, что вышеприведенные особенности высказывания “работают” и при рассмотрении высказывания как составляющей термина “прецедентное высказывание”. Протест может вызвать тезис о непредикативности ПВ. Однако мы считаем возможным сохранить слово “высказывание” в составе термина по нескольким причинам. Во-первых, наше исследование показало, что при предлагаемом нами подходе нет существенной разницы в функционировании “предикативных” и “непредикативных” высказываний: ПВ как первой, так и второй группы соотносятся с той или иной ситуацией речи, актуализируя либо прецедентный текст, либо прецедентную ситуацию. Например:

(1) *Гадкий утенок* по имени Челси (статья о дочери Клинтон).

² Существуют различные определения термина “ситуация” (см., напр., [1; 4; 6]), остановиться на которых нам не представляется возможным в рамках настоящей статьи. В нашем понимании ситуация – фрагмент объективно существующей действительности.

³ Некоторые исследователи предлагают считать знаком слово, а высказывание называют “сверх-знаком” (термин А. Моля) или “сложным знаком”. Ср.: “с точки зрения реального функционирования языка знаком в языке следует считать высказывание” [6: с. 355].

- (2) Чеченское *окно в Европу* (статья о санитарном кордоне вокруг Чечни, через который удается прорваться богатым боевикам).
- (3) *Тираны мира, трепещите* (заголовок статьи о новом средстве борьбы с тараканами).

Во-вторых, большая часть “непредикативных” ПВ (в основном, это единицы, “пришедшие” из Библии, из текстов древних мифов; некоторые фразеологи называют их именными фраземами⁴ – напр., *авилонское столпотворение, иерихонская труба, сизифов труд, троянский конь* и под.) относится нами к так называемым “переходным” прецедентным высказываниям. Это значит, что ПВ полностью утрачивают связь с “породившими” их текстом или прецедентной ситуацией, как правило, вследствие переосмысления на базе метафоры и “при совпадении по форме со структурными типами фразеологии языка” [21: с. 128] и переходят в состав фразеологизмов. В этом случае они обозначают явления, предметы, соотносясь с понятием – “результатом абстрагированного восприятия элементов ситуации” [6: с. 354] — и обладают знаковой функцией, аналогичной знаковой функции слова⁵.

Специфика ПВ как прецедентного феномена заключается в том, что оно имеет “фиксированную” структуру (постоянный состав элементов), не порождается заново в каждом акте коммуникации, но воспроизводится “в готовом виде” в отличие от обычного высказывания со “свободной” структурой. Иначе говоря, обладает свойством клишированности, а именно “воспринимается глобально как существующее в готовом виде конструктивное и семантическое целое, воспроизводимое без существенных изменений в соответствующих коммуникативных ситуациях” [26: с. 36]⁶. Кроме того, использование прецедентного высказывания всегда “отсылает” к фоновым знаниям, формирующих когнитивный уровень сознания и существующих в “форме многочисленных логических импликаций и прессуппозиций” [20: с. 26], о чем мы скажем ниже, перейдя к рассмотрению собственно феномена, называемого данным термином.

2. Термин “прецедентное высказывание”, предложенный В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой, в их понимании охватывает единицы, полученные в результате текстовой редукции. Прецедентные высказывания могут представлять собой: (1) заголовок, начальную или

⁴ См., напр., [23].

⁵ Следует заметить, что “прецедентность” такой единицы может продолжать осознаваться носителями языка, это зависит от степени знания коммуникантами того или иного прецедентного феномена, потому представленную группу единиц мы предлагаем называть “переходными” прецедентными высказываниями.

⁶ В оригинальном тексте данная цитата применяется по отношению к пословицам и афоризмам, которые в нашей концепции относятся к прецедентным высказываниям.

конечную фразу, как правило, стихотворного текста-источника, они “способны жить самостоятельной жизнью со значением, отнюдь не равным их собственному значению, но ассоциируемым с содержанием, символизирующим всю книгу, фильм, спектакль [17: с. 74]; (2) цитату из прозаического текста-источника, если они обладают критерием универсальности, проявляющимся в категории обобщенности или (3) конкретное высказывание, опирающееся на конкретную ситуацию, нам чаще известен его автор [17: п. 74]. Другими словами, за основу при определении понятия ПВ берется критерий свертывания текста до отдельного слова, словосочетания или фразы, которые “аккумулируют прецедентность этого текста”, являясь его символом (1), или отрываются от текста-источника в силу универсальности своего содержания (2), или опираются на конкретную ситуацию, имея исторического автора (3).

Данный подход соотносим с точкой зрения А. А. Потебни о “сгущении мысли”, при котором смысл целого текста находит свое выражение в одном изречении [24: с. 91], а также с целым рядом исследований, касающихся “крылатых выражений”. Так, В. В. Виноградов пишет о литературной цитате, которая действует “на фоне представления того целого, из которого она извлечена. В этом случае цитата как бы замещает или концентрирует сложный образ, воплощенный в художественном произведении” [3: с. 231-232]. Подобную мысль о конденсации в “крылатых выражениях” сложных образов высказывают Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина в предисловии к сборнику крылатых слов: “представляя собой лаконические формулировки идей и представлений, конденсируя сложные образы, они вызывают в нашем сознании ряд ассоциаций” [2: с. 5]. С. И. Ожегов, рассуждая о значении крылатых слов как особой выразительной категории в речи, пишет о том, что “каждое выражение обладает индивидуальностью и смысловой насыщенностью, неотделимой от ассоциаций с контекстом произведения, с исторической эпохой, породившей выражение, с печатью “авторства” [21: с. 126].

На наш взгляд, сама дефиниция ПВ, предложенная в [17], имплицитно содержит то существенное и главное, что дифференцирует данную единицу как прецедентное высказывание. Имеется в виду, что за прецедентным высказыванием всегда стоит прецедентный феномен — прецедентный текст и/или прецедентная ситуация⁷, играющие важную

⁷ Термин “прецедентный текст” принадлежит Ю.Н. Караулову. Под прецедентной ситуацией мы понимаем некую “идеальную” ситуацию, имевшую место или в реальной действительности, или в “виртуальной реальности созданного человеком искусства” [18: с. 54] и связанную с набором определенных коннотаций. О прецедентных феноменах, в том числе и о прецедентной ситуации см. статьи участников научного семинара “Текст и коммуникация” [7; 19].

роль в формировании смысла высказывания, что показывает анализ функционирования ПВ в средствах массовой информации и в непосредственной коммуникации [8; 15]. При этом прецедентное высказывание далеко не всегда “аккумулирует прецедентность текста”, но его использование в речи, как правило, предполагает “отсылку” или к прецедентному тексту, или к прецедентной ситуации в том смысле, что без нее либо не будет понят смысл высказывания, либо не “прочитаются” связанные с прецедентным феноменом коннотации⁸. Другими словами, все эти единицы обладают двуплановостью. Данный подход позволяет относить к разряду ПВ не только крылатые выражения в традиционном понимании этого термина, но и цитаты из популярных художественных фильмов, из рекламы, “цитаты” из современного (например, молодежного) фольклора, а также (с некоторыми оговорками) пословицы и поговорки⁹. Специфика ПВ наиболее ярко прослеживается в рамках активно используемого в современной лингвистике подхода, связанного с построением моделей типа “Смысл $\Leftrightarrow$ Текст”, т. е. “с моделированием способности носителя языка преобразовывать подлежащий выражению смысл в соответствующий ему текст...и, обратно, извлекать из текста содержащийся в нем смысл” [10: с. 136]. Другими словами, описание ПВ мыслится как установление соответствия между “глубинным”, семантическим представлением и самым “поверхностным” (орфографическим или фонетическим) представлением” [10: с. 136]¹⁰. Обращение к

⁸ Ср. с мыслью Н. И. Жинкина о мере “связности текста” (дискретности перехода от одного смысла к другому, которая является комплексной характеристикой текста и выражает отношение языковой информации к неязыковой), величина которой определяется взаимопониманием партнеров коммуникации [цит. по 20: с. 33].

⁹ Мы прекрасно осознаем специфику данных единиц как особых жанров фольклора, выражающих ценностные суждения и прескрипции, “значение которых формируется именно в фольклорно-оценочной среде, так как их денотация – не денотация к миру, а повод для отнесения к системе ценностей” [25: с. 74]. Однако, рассматривая их как прецедентные высказывания, мы имеем в виду, что пословицы восходят к прецедентным ситуациям и выступают как маркеры этих ситуаций. Учитывая вышесказанное, предлагаем относить пословицы к фольклорным прецедентным высказываниям (подробнее см. [12]). Кроме того, существует группа ПВ, оторвавшихся от первоисточника. Их функционирование приближается к пословичному употреблению в речи и роднит ПВ такого типа с собственно пословицами (Ср. с утверждениями А. Потебни о “сжатии” до пословицы любого поэтического произведения, например, комедии, эпоса, романа [24: с. 89] и с точкой зрения С. Г. Займовского на крылатое выражение как “на пословицу или поговорку литературно-образованных кругов” [11: с. 16].

¹⁰ Интересной представляется мысль американского фольклориста А. Дандиса о поверхностных и глубинных структурах по отношению к исследованию пословицы, которая в определенной степени применима и к другим типам прецедентных высказываний: “Поиски Н. Хомским “глубинной структуры” в противовес “поверхностной структуре” по своему духу сходны с фрейдовским противопоставлением “бессознательного” и “сознательного” и с юнговским стремлением к “архетипу”. То же можно сказать и о попытках К. Леви-Стросса выделить парадигматическую структуру, которая лежит в основе различ-

“глубинному уровню” ПВ всегда предполагает обращение к “породившему” его тексту или прецедентной ситуации. Это отражается в самой структуре прецедентного высказывания.

Прецедентное высказывание, будучи прецедентным феноменом, может обладать тремя уровнями значений: 1) *поверхностным*; 2) *глубинным значением* и 3) *системным смыслом*, представляющим собой “сумму” глубинного значения (при наличии такового) высказывания и знания прецедентного феномена (прецедентного текста, прецедентной ситуации) и связанных с ним коннотаций. При этом смысл может присутствовать в системе:

(а) имплицитно и проявляться лишь в функционировании в виде коннотаций:

(4) *В бой идут одни старики* (о правительстве Е. Примакова)

(5) *В моей смерти прошу винить главу КПСС* (исповедь историка)

и (б) эксплицитно, т.е. оказывать важнейшее и первоочередное значение в формировании функционального смысла высказывания:

(6) “Муж заподозрил жену в неверности. Сначала застрелил предполагаемого любовника, а потом поджег дом, в котором спала благоверная. Новая вариация на тему: *молилась ли ты на ночь?*” (отрывок из криминальной хроники). Реальная ситуация соотносится с прецедентной ситуацией (из текста трагедии Шекспира), означающим которой и является приведенное ПВ; все это позволяет понять уместность данного высказывания в ситуации общения и в то же время оценить его “экспрессивность”.

(7) *Собаки Баскервилья* (статья Е. Новодворской об отношении к коммунистам).

Таким образом, при функционировании ПВ важным оказывается не столько понимание его значения, сколько знание экстралингвистических, когнитивных факторов, стоящих за данной единицей (т.е. системного смысла высказывания), что позволяет относить прецедентное высказывание к феноменам лингво-когнитивным.

В заключение добавим, что именно “прецедентность” в нашем понимании позволяет рассматривать некоторые единицы, традиционно относящиеся к области фразеологии (например, пословицы, крылатые выражения) как прецедентные высказывания и отграничивать их от

ных синтагматических структур. Фактически, и Хомский, и Юнг, и Леви-Стросс заняты поисками Всеобщего, в какой бы форме оно не проявлялось – в форме ли “глубинной структуры”, “архетипа” или “бинарно-опозиционной” парадигмы” [9: с.16]. Данное положение можно рассматривать как попытку исследования лингвистических единиц в соотносительности с “языком культуры”, чем активно сейчас занимаются, например, В. Н. Телия [25], Д. Б. Гудков [7], В. В. Красных [18], и автор настоящей статьи [13].

собственно фразеологизмов¹¹. Сопоставление прецедентных высказываний и фразеологизмов (в узком смысле) по разным параметрам (например, в лингвистическом, логико-семиотическом, функциональном аспектах) свидетельствует, на наш взгляд, о различии этих феноменов. Рассмотрению данного вопроса мы надеемся посвятить наши последующие статьи.

Л и т е р а т у р а

1. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
2. *Аиукин Н. С., Аиукина М. Г.* Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1987.
3. *Виноградов В. В.* О задачах истории русского литературного языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1945. Вып. 3.
4. *Всеволодова М. В.* Коммуникативные механизмы синонимии // РЯЗР, 1989, № 4.
5. *Всеволодова М. В., Шуфень Го.* Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. М., 1999.
6. *Гак В. Г.* Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.
7. *Гудков Д. Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
8. *Гудков Д. Б., Красных В. В., Захаренко И. В., Багаева Д. В.* Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997, № 4.
9. *Дандис А. О* структуре пословицы // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст).
10. *Жолковский А. К.* К описанию выразительной структуры паремий (разбор одной сомалийской пословицы) // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст).
11. *Займовский С. Г.* Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризма. М., Л., 1930.
12. *Захаренко И. В.* Некоторые особенности фольклорных прецедентных высказываний // Функциональные исследования. Сб. статей по лингвистике. М., 1997.
13. *Захаренко И. В.* К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. М., 1997. Вып. 1.
14. *Захаренко И. В., Красных В. В.* Лингво-когнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997.
15. *Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В.* Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. М., 1997. Вып. 1.
16. *Колианский Г. В.* Контекстная семантика. М., 1980.
17. *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Как тексты становятся прецедентными // РЯЗР. 1994, №1.
18. *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.
19. *Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В.* Когнитивная база и пре-

¹¹ Ср. с точкой зрения В.Н.Телия, предложившей ограничивать раздел паремнологии, а также афоризмы, сентенции, слова, воспринимаемые как “цитации” от собственно лингвистических разделов фразеологии, включающих идиомы, фразеологические сочетания, речевые штампы и различного рода клише [25].

- ценные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997, № 3.
20. *Крюков А. Н.* Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихоллингвистика. М., 1988.
  21. *Ожегов С. И.* О крылатых словах (По поводу книги Н. С. и М. Г. Ашукиных “Крылатые слова”) // ВЯ. 1957, № 2.
  22. *Пермяков Г. Л.* От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М., 1970.
  23. *Петров В. К.* О некоторых свойствах крылатых выражений в современном русском литературном языке (на материале именных фразем) // Вопросы истории и теории русского языка. Вып. 3. Тула, 1970.
  24. *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1930.
  25. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
  26. *Черкасский М. А.* Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст).
  27. *Шварцкопф Б. С.* Основные параметры описания крылатых выражений современного русского литературного языка // Фразеография в Машинном фонде русского языка. М., 1990.